

А.А. Беридзе, О.В. Далкылыч (г. Кайсери, Турция)

**ДОРОГА И «БЕЗДОРОЖЬЕ» КАК ЛЕЙТМОТИВЫ
ПУШКИНСКОЙ ПУТЕВОЙ ПРОЗЫ**

Цель путешествия формулируется путешественником – туристом, странником, писателем. Сущность путевой прозы – самоцель, травелог – раскрытие сущности автора, необходимость заключить увиденное в рамки мировоззрения. Дорога, путь – зачастую и они являются самоцелью и символом стремления выйти за рамки общественного восприятия, поведать читательскому миру неизведанное. С понятием дороги и путешествия в «золотой век» русской литературы на рубеже XVIII-XIX веков тесно сопряжено понятие бездорожья, но не только в значении вынужденного опыта и трудностей путешественника в преодолении пути из пункта А в пункт Б, но и как символ преодоления самого себя, поиска ответов в условиях отсутствия ориентиров, как реальных, так и мировоззренческих. В данном контексте цель путешествия формулируется исходя из ценностей, включающих в себя поле неизведанного, и контрастов, ожидаемых автором. Именно на контрастах, противоположностях, на перспективе познать себя и свою этнокультурную, социальную натуру через сравнение с «другим», на желании совершенствовать путь «своего» общества и поднять уровень «своей» культуры, – основано желание начать путь, сблизиться с «далёким» и создать текст, передающий трансформации видения автором мира и роли индивида, в том числе и себя – современному и последующему поколению таких же жаждущих перемещений в географическом и метапространстве читателей. Жанр травелог насчитывает несколько поджанров, но объединяющим их лейтмотивом является символический поиск авторской дороги на «бездорожье», созданном порой противоположными представлениями героев, соучастников путешествия.

Пушкинские тексты как нельзя лучше подходят под описание травелога, как по просторам Кавказа, по достопримечательностям городов, так и выдуманных сказочных локусов. Можно связать его высказывание с философией путешествий: *«Мысль! Великое слово! <...> Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек, в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом»* [2, с. 403]. Данные слова поэт связывает с моралью и цензурой, осознавая, что дорога по неизведанным территориям сталкивает путника с кодексами морали, которые обязывают повиноваться правилам местного этикета в процессе исследования локуса. На упомянутых Пушкиным, с одной стороны, свободе, а, с другой – законах и условиях и строятся мотивы его путевой прозы.

Так, в «Путешествии в Арзрум» поэт свидетельствует о рвении к познанию, пристрастии к бездорожью, пренебрегая комфортом путешествия: *«Мне предстоял путь через Курск и Харьков; но я своротил на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в курском трактире <...> и не любопытствуя посетить Харьковский университет»* [1, с. 416]; *«Я решился отправить мою тяжёлую петербургскую коляску <...> и ехать верхом до Тифлиса»* [1, с. 425].

При встрече в Арзруме с одним из турецких пашей и будучи представленным ему Пушиным поэтом, Пушкину становятся лестны сравнения пашой поэта с дервишем: *«Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; <...> он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются»* [1, с. 453]. Дервиш, по сути странник, не имеющий личного пристанища – хозяин бездорожья, – находит путь к себе через метафизическое путешествие по земле к

неземной гармонии души. Пушкин же, волею окружавших его военных событий, порой оказывался в неоднозначном положении, когда его – сродни дервишу – мирного странника, – принимали за непосредственного участника военных походов: *«К счастью, нашёл я в кармане подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественник»* [1, с. 428].

Впечатления от достижения пункта назначения поэт связывает с сильными неизъяснимыми и таинственными чувствами, с мечтой, надеждой и жадностью познания: *«Как сильно действие звуков! Жадно я глядел на библейскую гору...»* [1, с. 437]; *«Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда ещё не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою»* [1, с. 438]. Однако, поэта охватывало беспокойство и разочарование, когда эти мечты наталкивались на препятствия: *«...русский офицер <...> объявил мне, что армия выступила уже из-под Карса. Не могу описать моего отчаяния: мысль, что мне должно будет возвратиться в Тифлис, <...> совершенно убивала меня»* [1, с. 438].

Несмотря на любовь и восхищение своей родиной, на ностальгию по привычному и, с другой стороны, непривычность и неприятие нового: *«...вместо обеда съел я проклятый чюрек, армянский хлеб <...>, о котором так тужили турецкие пленники <...>. Дорого бы я дал за кусок русского чёрного хлеба, который был им так противен»* [1, с. 438], Пушкин, сравнивая хоть и общечеловеческие, но подавленные в себе ценности, делает вывод о том, что человеку есть чему поучиться за границами рутинного и устоявшегося, к примеру, гуманности: *«Мысль о чуме опять мелькнула в моем воображении. Я оттолкнул нищего с чувством отвращения неизъяснимого <...>. Я обратил внимание на двух турков, которые выводили его под руки, рзделили, щупали, как будто чума было не что иное, как насморк. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости в присутствии такого равнодушья»* [1, с. 460].

Конфликт порядка и хаоса, цивилизованности и первобытных устоев, законности городской жизни и свободы гор и степей – всё это не только прослеживается в путевой прозе, но и отражается в поэтических травелогах Пушкина – в своеобразной параллели находятся мотивы стихотворных произведений: «Цыгань», написанного в Кишинёве, и «Кавказский пленник». Будучи первым в русской литературе поэтом, описавшим просторы Кавказа, Пушкин спорит о влиянии физического и культурного бездорожья, которое, с одной стороны, является оплотом свободы и самовыражения, простора для душевных порывов, а, с другой стороны – препятствием для развития личности и творчества, своеобразной аллегорией смирения и неизменности.

Опять же в «Путешествии в Арзрум» по пути в Тифлис поэт делает заметки о местечке Горячие воды, которое он ранее посещал: *«Здесь нашёл я большую перемену: в моё время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частью в первобытном своём виде <...>. Нынче <...> везде порядок, чистота, красивость... Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего дикого состояния»* [1, с. 417–418]. Таким образом, поэт находится в постоянном споре о роли первозданности и дикости бездорожья в современном ему обществе, выражает сожаление в отношении былых «застроенных» природных красот, в том числе и красот человеческой души. Пушкин показывает, как присущая порой образованному и заботящемуся о своём статусе человеку предвзятость,

высокопарность и насмешливость в отношении нового разбивается о недоступную первому взгляду простоту и врождённую интеллигентность: *«Конвойный офицер <...> представил меня Фазил-Хану. Я <...> начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостию порядочного человека! <...>. Со стыдом принуждён я был оставить важно-шутливый тон <...>. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперёд не стану судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям»* [1, с. 424].

Желая лично испытать на себе театр военных действий, Пушкин в «Путешествии в Арзрум» выражает свою страсть к метафизическому бездорожью – перепутью на местах пересечения порядков разных государств. В своих стихотворениях Пушкин также изложил влияние грузинской культуры и мелодичности её песен на своё мировоззрение. Так, случайно услышанная грузинская мелодия стала основой для стихотворения «Не пой, красавица, при мне», в которой поэт ностальгирует по «другой жизни» и «дальному берегу» – России, по «чертам далёкой, бедной девы» – его возлюбленной графини де Ланжерон. Таким образом, пребывание Пушкина на Кавказе становится пунктом, от которого он отталкивается в своих новых лирических исканиях. Благодаря военным действиям в «Путешествии в Арзрум» были описаны открытия гуманности и особенностей русской сущности. Именно дороги и раздумья, на которые наталкивало его как физическое, так и мировоззренческое бездорожье, привели поэта, как дервиша, к поискам себя; а мелодии, как музыкальные кавказские, так и рождавшиеся в качестве стихотворений, стали основой для переоценки ценностей как вдали от родины, ностальгируя по ней, сравнивая её с неизведанными устоями нового общества, так и находясь в родных краях и создавая новые поэтические и прозаические композиции под влиянием восточных впечатлений.

Литература

1. Пушкин, А.С. Собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. : ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 5 : Романы. Повести. – С.412 – 465.
2. Пушкин, А.С. Собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. : ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 6 : Критика и публицистика. – С. 378 – 406.